

За домом семьи Ду был небольшой участок частной земли. Были посажены тыквы, и теперь, когда сезон почти закончился, тыквенные побеги начали увядать и желтеть.

Из-под слоев листьев Цзян Жуй нашла последнюю тыкву и положила ее в бамбуковую корзину. В корзине уже было три или четыре тыквы, и они были небольшими, лишь немного больше двух ладоней. Кожица тыкв была слегка желтоватой и выглядела немного старой.

Она отнесла бамбуковую корзину обратно в дом. Ван Тунхуа взяла у нее корзину, взглянула на нее и выбрала тыкву самого лучшего вида. Как раз в тот момент, когда она собиралась позволить ей отправить это семье Чжао, она немного подумала, затем проглотила то, что собиралась сказать.

Прошло довольно много времени с тех пор, как фото было отправлено Чжан Лиюнь, а семья Чжао так и не дала положительного ответа. Хотя можно было бы сказать, что Чжао Нань был далеко, и на доставку писем туда и обратно уходило много времени, Ван Тунхуа все еще чувствовала некоторое беспокойство.

Поскольку этот вопрос, похоже, еще не имел перспективы решения, две семьи молчаливо согласились ничего не объявлять. Особенно о семье Ду, об этом знали только Цзян Жуй и Ван Тунхуа, а Ван Тунхуа не смогла бы ни с кем поговорить, даже если бы захотела.

Она посмотрела на спокойное выражение лица своей старшей дочери и в душе покачала головой. Она действительно волновалась.

Логически рассуждая, поскольку семья Чжао и Ду в частном порядке приняли такое решение, две семьи должны были больше контактировать друг с другом по сравнению с предыдущими. Она также хотела, чтобы ее дочь больше общалась с Чжан Лиюнь, чтобы произвести хорошее впечатление, и, если они действительно станут семьей в будущем, родственники со стороны мужа с меньшей вероятностью будут усложнять жизнь ее дочери. Но она также боялась, что это заставит ее казаться нетерпеливой и, в свою очередь, позволит другим смотреть на нее свысока. В конце концов, именно из-за их плохих семейных условий и неуверенности в себе у нее было так много забот.

Цзян Жуй разложила тыквы в ряд под стеной снаружи дома, посмотрела вверх и сказала ей:

— Мама, тыквы больше не растут. Завтра я хочу привести в порядок участок земли за домом, как ты думаешь, что нам следует посадить после?

— Не беспокойся об этой земле, подожди, пока твои отец и брат закончат работу, и позволь двум мужчинам сделать это. Дочка, постарайся в будущем не работать в полдень, ты самая бледная в нашей семье, не загоравай.

Цзян Жуй улыбнулась: — Завтра Баочжэнь возвращается домой, не хочешь обменять для нее несколько яиц?

Ван Тунхуа некоторое время хмурилась, затем заглянула внутрь дома и вздохнула:

— Давай поговорим об этом позже, твоя невестка вот-вот родит.

После рождения ребенка возникла необходимость в послеродовом уходе. Если условия в семье были хорошими, курицу убивали каждые три-пять дней, а мать кормили куриным супом. У семьи Ду не было таких хороших условий, и Ван Тунхуа не была суровым человеком, она не могла заставить свою невестку работать, поэтому ей оставалось только найти способы

припасти немного яиц и попросить кого-нибудь купить немного коричневого сахара, что было лучше, чем ничего.

Столкнувшись с таким срочным делом, она могла только немного отодвинуть свою дочь Ду Баочжэнь назад и думать о ней только после того, как Чжан Сяохуа успешно родит.

В семье было четыре взрослых кролика, и у них был большой аппетит. Цзян Жуй приходилось подниматься на гору, чтобы копать кроличью траву через день. В тот день, когда она копала траву и готовилась спуститься с горы, к ней подошли два человека. Это были Чжао Дацю и его старший сын Чжао Дон.

Семья Чжао были пчеловодами и разводили пчел. Они держали несколько корпусов ульев под деревом на горе, и после ежедневных работ на ферме или когда фермерство было вялым, Чжао Дацю брал своего сына на гору, чтобы проверить ульи.

Это был первый раз, когда Цзян Жуй встретила их на горе. Горная дорога была узкой, поэтому она отступила в сторону и тихо поздоровалась: — Дядя Чжао.

Чжао Дацю поспешно ответил. Отойдя далеко, он остановился, чтобы оглянуться, и спросил Чжао Дона: — Кто это только что был?

— Она старшая дочь семьи Ду, — Чжао Дон огляделся по сторонам, затем продолжил: — Разве мама не упоминала, что отравила А-Наню фотографию девушки? Это она.

Когда Чжао Дацю вернулся домой, он сказал Чжан Лиюнь:

— Девушка из семьи Ду неплохая.

Чжан Лиюнь дала ему таз с водой, чтобы он умылся, и спросила с недоумением:

— Так двусмысленно и случайно, откуда взялось такое предложение?

— Утром я поднялся на гору с А-Доном, и мы встретили ту девушку. Она даже поздоровалась со мной, но я ее не узнал, — Чжао Дацю вытер лицо, затем бросил полотенце обратно в таз и вымыл руки: — Ранним утром на горе никого не было, но она уже закончила свою работу и готовилась спуститься с горы. Она более прилежна, чем члены нашей семьи.

Чжан Лиюнь сказала: — Я спрашивала о ней давным-давно. Эта девушка дома делает всю работу по дому сама, и, хотя она выглядела застенчивой, ей было нечего сказать, когда встречала кого-то на дороге, она добросовестно здоровалась с ними. Ее темперамент неописуемо хорош.

Именно потому, что она считала Ду Баоцинь удовлетворительной, Чжан Лиюнь приняла решение и настояла, чтобы Чжао Нань приехал домой, чтобы встретиться с ней. В противном случае, если было слишком поздно, она боялась, что другие возьмут инициативу в свои руки.

Подумав об этом, она нахмурилась и недовольно сказала:

— Ответ А-Наня должен быть здесь, почему до сих пор нет новостей? Может быть, этот вонючий мальчишка отказывается?

Сразу после того, как она это сказала, со двора донесся голос Чжао Цяньцзянь:

— Мама, пришло письмо от второго брата! Я только что встретила почтальона на дороге, и

забрала у него письмо.

Той ночью, воспользовавшись сумерками, Чжан Лиюнь снова отправилась в дом Ду.

Ду Юфу и его сын Ду Баоцян только что передали небольшой участок земли за домом, и семья еще не убрала со стола после того, как закончили есть.

Увидев, что у них гости, Цзян Жуй поспешно приветствовала: — Тетя Чжан, — затем подвинула ей стул, пошла на кухню налить чашку чая и взяла посуду и палочки для еды, чтобы помыть.

Чжан Лиюнь с улыбкой посмотрела ей вслед, повернула голову, чтобы посмотреть на Ван Тунхуа, и искренне сказала:

— Сестра, ты вырастила хорошую дочь.

Глядя на выражение ее лица, Ван Тунхуа поняла, что она пришла поделиться хорошими новостями, и ее сердце в основном успокоилось, она скромно сказала:

— Баоцинь сдержанна и меньше говорит, она знает только, как работать, но у нее невнятный и глупый рот.

— О чем тут беспокоиться? — Чжан Лиюнь махнула рукой: — Такую простую и хорошо воспитанную девушку, как Баоцинь, люди будут горячо любить. Я думаю, вы уже догадались, зачем я здесь на этот раз. А-Нань из нашей семьи прислал сегодня письмо, в котором говорится, что он вернется домой в Новом году, чтобы навестить родственников. Я тут подумала, не позволить ли нам тогда двум молодым людям встретиться?

Они вдвоем разговаривали в главной комнате, а остальные члены семьи Ду, намеренно или нет, избегали их.

В комнате Чжан Сяохуа сидела у кровати и мыла ноги. Она понизила голос и сказала Ду Баоцян:

— Видишь? Я действительно угадала правильно.

Ду Баоцян сел в стороне и спустя долгое время сказал: — Семья Чжао довольно хорошая.

Чжан Сяохуа пристально посмотрела на него: — Что ты знаешь?

В глазах окружающих семья Чжао, безусловно, была неплохой. Чжао Дацю и его сын Чжао Дон были пчеловодами. Круглый год другие люди даже не могли видеть белый сахар, но их семья пила медовую воду как питьевую. Их второй сын, Чжао Нань, прослужил в армии более десяти лет и был армейским офицером, получавшим ежемесячно значительное денежное довольствие. Он отвечал за питание и жилье в армии, и сумма денег, которую можно было сэкономить, зависела от того, сколько денег отправляло государство. После стольких лет, насколько значительной была эта сумма? Их дочь Чжао Цяньцян и младший сын Чжао Бэй оба были наемными работниками, и они не полагались на землю в качестве источника пропитания.

Можно сказать, что в семье Чжао не было бездельников.

По мнению Чжан Сяохуа, если бы Ду Баоцинь вышла замуж за Чжао Дона или Чжао Бэя, то это было бы здорово, но она, к сожалению, собиралась выйти замуж за Чжао Наня.

Кто такой Чжао Нань? Он солдат и имел воинское звание, как замечательно это звучит!

Но на самом деле? Для женщины он был не более чем мужчиной, который круглый год не мог вернуться домой.

Быть замужем за таким человеком и жить в пустом доме год за годом, отличалось ли это от того, чтобы быть вдовой? И ей все еще приходилось заботиться о его семье.

Если бы Чжан Сяохуа пришлось выбирать, даже несмотря на то, что семья Ду была бедной, а Ду Баоцян глупым, она все равно предпочла бы человека рядом с ней сейчас, по сравнению с прекрасной семьей Чжао. По крайней мере, каждую ночь, когда ей хотелось пить и было жарко, кто-то вставал, чтобы налить ей чаю и обмахнуть веером, а когда у нее сводило ноги, кто-то мог помочь ей растереть ступни посреди ночи.

Этот мужчина был некомпетентен, но он нежно любил ее и умел быть внимательным.

После того, как Чжан Лиюнь ушла, Ван Тунхуа пошла на кухню, не в силах скрыть своей радости:

— Дочка, Чжао Нань приезжает домой на Новый год, и тогда вы двое познакомитесь друг с другом.

— Хорошо, — Цзян Жуй согласилась, перевернув чистую миску вверх дном, чтобы слить воду из нее.

Ван Тунхуа забрала у нее миску, поставила ее в шкаф и не могла сдерживать ликования:

— Тетя Чжан только что не уклонялась от темы, она рассказала мне все об этом, в прошлом она знакомила А-Наня со многими девушками, а он даже не хотел с ними знакомиться. Это первый раз, когда он сдался, это значит, что ты ему определенно нравишься!

Цзян Жуй опустила голову и стала чистить плиту: — Мам, еще слишком рано говорить.

Ван Тунхуа улыбнулась: — Не слишком рано, то есть, даже если ты застенчивый ребенок после того, как вы познакомитесь, нам следует обсудить дату свадьбы. Кстати, дочка, с этого момента и до Нового года тебе следует сохранить всю кроличью шерсть, которую ты подстрижешь. Когда придет время, ты сможешь обменять это на деньги и купить кусок ткани, чтобы сшить новую телогрейку. Я думаю, что красная телогрейка, которую Линлин носила в прошлом году, выглядела очень хорошо. Давай сделаем такую же, и когда ты ее наденешь, ты наверняка будешь выглядеть красивее, чем она!

— Разве семье в последнее время не нужны деньги? Я все еще могу носить свою старую одежду, давай не будем шить новую? — Цзян Жуй сказала, пока она рылась в портулаке обыкновенном (T / N: это разновидность растения / сорняка), выкопанном из земли за их домом тем вечером, когда она готовилась отварить его с небольшим количеством воды.

— Позволь мне сделать это, — Ван Тунхуа взяла корзинку в руки. — Мама придумает, как сделать все по дому, как бы сложно это ни было, для тебя всегда найдется новая одежда. Прошло два года с тех пор, как у тебя была новая одежда, на этот раз ты встречаешься с А-Нанем, ты не можешь надеть свою старую одежду. Принеси в свою комнату немного горячей воды и умойся, ложись спать пораньше. Всю работу оставь маме.

Цзян Жуй лежала в постели после мытья посуды, глядя в окно на чистое ночное небо.

Она не была удивлена, что Чжао Нань согласился приехать домой и встретиться с ней.

Она действительно пообещала первоначальному владельцу, Ду Баоцинь, вести себя должным образом, как она, но она не могла отказаться от своей задачи. Хотя Ду Баоцинь – молодая девушка – могла не торопиться, чтобы медленно выполнить задание, она не выдержала тягот времени.

Следовательно, она должна была привлечь внимание Чжао Наня за короткий промежуток времени.

Фотографией, которую ему прислали, манипулировали, поскольку она оставила на ней след духовной энергии. Когда Чжао Нань прикоснулся к ней, немного духовной энергии вошло в его тело, заставив его чувствовать себя спокойным и умиротворенным. Это отличие должно было дать ему хорошие впечатления о человеке на фотографии.

И если бы другие люди прикоснулись к нему, они бы ничего не почувствовали, поскольку этот след ауры воздействует только на Чжао Наня.

Потому что она – его лекарство.

<http://tl.rulate.ru/book/105201/3714024>